

О Т З Ы В

научного руководителя на диссертацию

**Е.А. Остаповой на тему «Взаимосвязь возникновения,
сроков и условий исполнения договорных обязательств в
российском гражданском праве»**

Тема проведенного Е.А. Остаповой диссертационного исследования должна быть признана актуальной и значимой для развития науки гражданского права, гражданского законодательства, для правоприменения, для изучения гражданского права.

Текстуально в названии темы диссертации указывается на взаимосвязь трех разных гражданско-правовых явлений – возникновения обязательств, сроков их исполнения, условий их исполнения. Новизна постановки проблемы, ее содержание, заключается в логике связи указанных трех гражданско-правовых явлений, выраженной в контексте названия, в попытке автора диссертации выйти на более широкие теоретические позиции не только при работе с нормативными положениями, но и при формулировании собственных научных положений. Навыки выхода на такие позиции соискатель накапливала еще в период своей работы в арбитражном суде первой инстанции, а потом – в период 15-летней работы в апелляционном арбитражном суде.

Связь контекстом названных трех гражданско-правовых явлений проявилась уже в изменениях, внесенных законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ в ст. 826 ГК РФ: в первоначальной редакции этой статьи существующим признавалось только требование, срок платежа по которому наступил, а в соответствии с указанным Федеральным законом существующим требованием признается и то требование, срок платежа по которому не наступил, если только существует обязательство, в содержание которого входит это требование. Законодатель расширил содержание понятия

существующего требования, включил в него и те требования, срок платежа по которым не наступил, если только обязательство, в содержание которого входит это требование, возникло из договора, который уже заключен. Оказалось, что в понятие существующего денежного требования могут быть включены и требования, срок платежа по которым наступил, и требования, срок платежа по которым не наступил, а требование считается существующим уже с момента заключения договора. Здесь четко видна связь возникновения обязательств и сроков их исполнения.

Связь условий исполнения со сроком исполнения была признана уже в первоначальной редакции ст. 314 ГК РФ, что давало все основания определять срок исполнения обязательств как указанием на момент, день, так и указанием на условия, при наступлении которых должно быть исполнено обязательство. Но вдруг появляется в ГК РФ ст. 327.1, которой обусловленное исполнение оторвано от сроков исполнения. Это было неудачное законодательное решение, что свидетельствовало о колебаниях законодателя и об актуальности теоретической разработки проблемы связи сроков и условий исполнения обязательств.

Те научные положения, которые обосновываются в публикациях, авторами, в том числе претендующими на роль ведущих ученых-цивилистов страны, также свидетельствуют о наличии острой потребности в углублении теоретической разработки проблемы связи момента возникновения обязательств, сроков и условий их исполнения. Так, В.А. Белов обосновывает мнение о том, что денежное требование в обязательстве купли-продажи возникает только после передачи товара, что противоречит действующему закону и является неприемлемым *de lege ferenda*. Еще более радикальными являются мысли А.Г. Карапетова, который идею сделок, совершенных под отлагательным условием, предложил распространить на отдельные части сделки, а потом пришел к выводу о тождественности общественных отношений, регулируемых статьями 157 и 327.1 ГК РФ, и попытался ввести в

научный оборот понятие обусловленного обязательства (с целью обоснования указанной тождественности).

В диссертации на добротной методологической основе сформулирован и обоснован ряд научных положений, которые соискатель выносит на защиту и которые заслуживают быть оцененными как вклад в науку гражданского права. Сами эти методологические основы сформулированы были в свое время учеными, заслуживающими быть отнесенными к числу классиков отечественной теории права (Н.Г. Александров) и классиков отечественной цивилистики (М.М. Агарков). Но заслуга соискателя заключается в постановке своего диссертационного исследования на классическую методологическую основу. Имеются в виду прежде всего идеи Н.Г. Александрова о единстве субъективного права и правоотношения и мысли М.М. Агаркова о структурировании обязательств. К сожалению эти идеи классиков не получили всеобщего признания. А ставший ныне популярным автор научных публикаций С.В. Третьяков оценивает вклад Н.Г. Александрова в развитие теории субъективного гражданского права по большей части не как положительный, а как такой, который лишь способствовал поиску правильных (истинных) теоретических решений. Полагаю, что это не опровергает непреходящее методологическое значение идей Н.Г. Александрова и М.М. Агаркова.

Считаю также возможной высокую оценку методологической опоры соискателя на разработанное на кафедре гражданского прав и процесса Севастопольского государственного университета учение о толковании гражданского законодательства, которое сегодня не признается, но у которого, как я полагаю, есть будущее. Именно эта опора позволила соискателю дать рациональное разрешение коллизии между ст. 190 и ст. 191 ГК РФ и рациональное истолкование п. 1 ст. 314 ГК РФ как такого, который устанавливает текстуально закрепленную правовую норму о способах определения сроков исполнения обязательств и логически закрепленную

правовую норму, которая разрешает законом или договором предусматривать любой способ определения сроков исполнения обязательств, лишь бы этот срок из текста закона или договора можно было определить. Опору на указанное учение как на методологическую базу собственного исследования соискатель делает и в целом ряде других случаев, что должно быть оценено в высшей мере положительно.

Основные положения, которые выносятся на защиту, заслуживают положительной и высокой оценки, что обусловлено глубоким осмыслением соискателем соответствующих научных проблем. Это такие положения:

1. О необходимости четкого разграничения таких гражданско-правовых явлений как возникновение обязательств, сроки и условия их исполнения, а также понятий, в которых эти явления отражаются. Вместе с тем важно также видеть жесткую логическую связь указанных явлений и понятий, что является предпосылкой для обоснования теоретических выводов и законодательных решений, соответствующих потребностям регулируемых общественных отношений. Обосновывая данное положение, соискатель правильно указывает как на учет законодателем упоминаемых разграничения и связи гражданско-правовых явлений и понятий (при внесении изменений в ст. 826 ГК РФ), так и на отказ законодателя от такого учета (при дополнении ГК РФ статьей 327.1).

2. Обоснование вывода о том, что действующее гражданское законодательство не позволяет, как правило, признавать действия по исполнению договоров сделками. При этом соискатель удачно использовала сформулированное на кафедре гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета научное положение о том, что при толковании терминов, определений понятий, данных в законе, следует учитывать не только содержание определений (текст закона), но и контекст соответствующих законодательных положений, удаленный контекст (систематическое

толкование закона), признанную законом обязательной судебную практику (ст. 198 ГПК РФ; ст. 170 АПК РФ; ст. 180 и 310 КАС РФ), а также социальный контекст (в том числе не признанную законом обязательной судебную практику).

3. Постановка и рациональное разрешение на научной методологической базе коллизии между ст. 190 ГК РФ, предусматривающей определение сроков указанием на событие, которое неизбежно должно наступить, и ст. 191 ГК РФ, в которой уже не указывается на такой признак события как неизбежность его наступления. Выделив в ст. 191 ГК РФ законодательное положение законодатель оборвал контекстуальную связь этих двух законодательных положений и не позволил толковать термин «событие», употребляемый в ст. 191 ГК РФ, с учетом признака неизбежности, на который указывается в ст. 190 ГК РФ. Рациональное разрешение этой коллизии имеет общее и существенное значение для науки гражданского права и для практики его применения.

4. Вывод о необходимости уточнения содержащихся в положениях гражданского законодательства формулировок об исчислении сроков «по окончании срока», «со дня, когда лицо узнало или должно было узнать» (ст. 200 ГК РФ), «на следующий день после календарной даты или наступления события» (ст. 191 ГК РФ), «со дня, когда она (сумма займа. - В.К.) должна быть возвращена» (ст. 811 ГК РФ). Соискатель дела делает общий вывод о том, что во всех этих случаях целесообразно было бы также уточнять, что срок исчисляется с 0 часов или с 24 часов соответствующего дня. Это придало бы большую определенность многим соответствующим законодательным положениям.

5. Интерпретация п. 1 ст. 314 ГК РФ как такого, которым уже в первоначальной редакции гипотезой текстуально закрепленной правовой нормы логически закреплялась правовая норма, которая позволяла устанавливать срок исполнения обязательства любым образом, лишь бы этот

срок при этом был определяемым. Последующее дополнение этого пункта лишь поясняло существование такой возможности, но не внесло в п. 1 ст. 314 ГК РФ никакого нового юридического содержания. Использование метода выявления в содержании одного и того же законодательного положения (в данном случае – п. 1 ст. 314 ГК РФ) двух правовых норм (одной – закрепленной текстуально, а другой – логически) – это новый методологический прием, использование которого за пределами научных трудов преподавателей и аспирантов кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета нам не встречалось.

6. Положения, в которых опровергаются представленные в научной литературе идеи о признании тождественности отношений, регулируемых ст. 157 ГК РФ, с одной стороны, и отношений, регулируемых ст. 327.1 ГК РФ, – с другой. Соискатель обосновывает, что постановка возникновения прав и обязанностей на основании сделки, совершенной под отлагательным условием, в зависимости от обстоятельства, относительно которого неизвестно наступит оно или нет, и постановка исполнения обязанностей под условие наступления обстоятельств, в том числе полностью зависящих от воли сторон, — это совершенно разные правовые конструкции. Первые – это отношения в процессе возникновения обязательства на основании сделок, совершаемых под отлагательным условием. Вторые – это отношения в процессе исполнения обязательств, когда срок их исполнения определен указанием на условие, при наступлении которого обязательство должно быть исполнено (с добавлением или без добавления ко дню наступления этого условия определенного периода). При этом диссертант обоснованно полагает, что *de lege lata* утверждение о возможности совершения под условием части сделки противоречит действующим положениям ст. 425, 432, 433 ГК РФ. *De lege ferenda* это было бы нецелесообразно, не сделало бы соответствующее правовое регулирование более соответствующим

потребностям общественных отношений, хотя потребовало бы существенных изменений гражданского законодательства, которое на данный момент исходит из того, что сделка либо совершена либо не совершена, что договор либо заключен либо не заключен (кроме случаев установления законом специальных правовых конструкций). «Условные обязательства» – это, по терминологии М.М. Агаркова, дополнительные обязательства, которые возникают при наступлении предусмотренных законом или договором юридических фактов. И потребности в обновлении сложившейся терминологии не имеется. Диссертант правильно утверждает, что установление договором обусловленного исполнения обязательства – это не отдельная правовая конструкция, смежная с правовой конструкцией сроков исполнения обязательства, а специальный способ определения срока исполнения обязательства. В связи с этим в диссертации сделан вывод о необоснованности дополнения Гражданского кодекса РФ статьей 327.1, о необходимости исключения этой статьи из ГК РФ.

В диссертации содержатся и другие заслуживающие внимания научной общественности, законодателя и системы осуществления правосудия научные положения. Глубоко вникнув в сущность отношений между предприятием-банкротом и его кредиторами, диссертант пришла к выводу о том, что деление реестровых и текущих платежей по критерию момента возникновения обязательства предприятия-банкрота перед кредитором совершенно не согласуется со смежными законодательными положениями, и уже *de lege lata* предложила заменить этот критерий на другой – момент нарушения эквивалентности между сторонами в пользу должника-банкрота: если она нарушена до возбуждения дела о банкротстве, платеж должен признаваться реестровым, если после – текущим. Этот критерий должен быть признан пригодным для всех видов требований (платежей) должника к банкроту.

Заслуживает внимания и имеет существенное значение теоретический вывод о несоответствии закону судебной практики, признающей срок аренды не установленным, если он определен «до начала реконструкции объекта аренды», а срок поручительства определен «до момента исполнения обеспеченного поручительством обязательства». Конструктивной и существенной является мысль соискателя о том, что при формулировании правил исчисления сроков кварталами законодатель предписал использовать для исчисления сроков правила об исчислении сроков месяцами, чем создал трудно разрешимую при наличном уровне методологии толкования законодательства правовую коллизию. Положительно следует оценить замечание относительно нецелесообразности введения в научный оборот термина «осложнение срока отлагательным условием», поскольку это находится в русле концепции, смешивающей содержание ст. 157 и 327.1 ГК РФ. Целесообразным является предложение ввести в научный оборот термин «обусловливающее исполнение» (наряду с употребляемым в настоящее время в ст. 328 ГК РФ термином «обусловленное исполнение обязательства»). Это значительно упростило бы интерпретацию ст. 328 ГК РФ.

Диссертация в целом носит конструктивный и содержательный характер. Материал изложен логически последовательно. Тема диссертации полностью раскрыта.

Диссертант изучила научную литературу, хорошо знает соответствующее законодательство и практику его применения. Накопила необходимую эрудицию. Овладела навыками научного исследования гражданско-правовых проблем. Освоила накопленный на кафедре гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета опыт научного поиска.

Выполненная соискателем диссертация имеет существенное значение для развития науки гражданского права, гражданского законодательства,

практики его применения, преподавания курса гражданского права в юридических учебных заведениях.

Диссертация может быть допущена к защите, а ее автор Остапова Екатерина Андреевна при условии успешной защиты заслуживает на присуждение ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель,
директор Юридического института
Севастопольского государственного
университета, профессор кафедры
"Гражданское право и процесс",
доктор юридических наук,
доцент

В.Н. Коваль

